

2. Н. А. Добролюбов

¹² — Добролюбов вошел в библиографию не случайно <...> В студенческие годы он много занимался библиографией под руководством И. И. Срезневского <...> Кончая Педагогический институт, Добролюбов написал блестящую библиографическую работу о журнале XVIII века «Собеседник любителей русского слова», которая открыла ему дорогу в «Современник» и к дружбе с Чернышевским. Можно сказать, что Добролюбов был охвачен общим для его времени увлечением библиографией.

Статья Н. А. Добролюбова, в то время студента-выпускника Главного педагогического института, о «Собеседнике любителей русского слова» была опубликована в № 8 и 9 «Современника» за 1856 г. под псевдонимом Лайбов.⁽¹⁾ Это было типичное для той эпохи добротное историко-литературное исследование, снабженное солидным справочно-библиографическим аппаратом и посвященное анализу содержания старинного русского журнала. Особую ценность имеют примечания к статье: историко-литературного, библиографического и лексикографического характера; всего их 74. Статья получила высокую оценку у историков журналистики,⁽²⁾ которые рассматривали ее как попытку редакции «Современника» познакомить читателей с историей журналистики в России. В то время такие работы считались и назывались библиографическими. Молодой автор, прошедший серьезную филологическую школу под руководством И. И. Срезневского и даже помогавший своему научному руководителю в поисках библиографического материала, не ограничился, однако, анализом избранного журнала, а решил высказаться по поводу библиографии в целом. Сам занимаясь ею, он тем не менее трактовал ее как занятие чисто техническое, чуждое науке. Он называл современных ему библиографов гробокопателями, не способными на широкие обобщения, каменщиками, «жалкими рудокопами», почтальонами, которым достаточно знать названия улиц, и противопоставил им критика с его «горячей, смелой, задушевной проповедью».⁽³⁾

Это выступление начинающего автора вызвало возмущение в среде научной общности как несправедливыми нападками на библиографию, так и нескромной, самоуверенной позицией, в сущности саморекламой, не принятой в то время в научной среде.

Молодому автору ответил на страницах «Отечественных записок» авторитетный историк литературы, автор учебников и хрестоматий А. Д. Галахов. «В этой статье, — писал он, — кроме суждений о „Собеседнике“ есть нечто и другое, что вовсе к „Собеседнику“ не отно-

сится. Вступление ее занято игривою характеристикой двух направлений русской критики: библиографического, или фактического, имеющего предметом собрание и указание литературных явлений, и собственно исторического, представляющего дух и направление литературы на основании исследованных фактов. Библиографическое направление не возбуждает сочувствия автора: сделавшись господствующим в наше время, оно, по его мнению, достигло уже смешных крайностей <...> Умолчим о том, насколько эта игривая характеристика библиографических трудов прилична в „Современнике“ — журнале, который был украшен статьями о Дельвиге г. Гаевского, исполненными библиографических подробностей, и который в настоящее время принимает на свои страницы весьма интересные библиографические записки г. Лонгинова. Не возьмем на себя и защиты библиографического направления критики — направления полезного, *даже* достойного уважения по собственному сознанию г. Лайбова. Мы думаем, что все полезное и необходимое до того уважительно, что может обойтись и без снисходительного словечка *даже*. Каждому литератору, если только он не самозванец, известно, каким образом возникла и сильно развилась у нас библиография. Она явилась вследствие серьезного воззрения на тот предмет, которому обязана служить — на историю литературы. История литературы имеет место только при тщательном собрании и всесторонней разработке данных. Труды библиографические — необходимый ее материал. Вместе с понятием о значении и важности здания, созидаемого на известном основании, возвышалось и понятие о значении и верности основания. Требования на библиографию и от библиографии шли параллельно с требованиями на историю и от истории <...> Библиографические труды — доказательство более зрелого, более серьезного занятия историею литературы».⁽⁴⁾

Казалось бы, после такой отповеди молодому автору следовало бы призадуматься, но не таков был Добролюбов. Где только возможно, он высмеивал библиографов. В сущности, никаких серьезных обвинений Добролюбов не мог предъявить современной ему библиографии, разве только то, что она не была критикой-публицистикой и занималась изучением книг «как таковых», в то время как Добролюбова интересовали произведения художественной литературы только как повод для высказывания «мыслей о России». «Литература представляет собою силу служебную, — писал он в 1860 г. в статье «Луч света в темном царстве», — которой значение состоит в пропаганде, а достоинство определяется тем, что и как она пропагандирует».⁽⁵⁾ Комментарии тут излишни. Книга для библиографии никогда не бывает предлогом для посторонних целей, поводом для высказывания определенных мыслей; она непосредственный ее объект.

¹³ — Так называемых «ученых библиографов» до сих пор смущают резкие отзывы Добролюбова о их предшественниках, работавших в 50-х годах <...> Он столь пренебрежительно отзывался об увлечении составлением библиографических указателей, что Чернышевский, как сказано выше, не решился этот отзыв пропустить в печать при жизни Добролюбова и восстановил только в первом посмертном издании его «Сочинений». Однако внимательное изучение высказываний Добролюбова убеждает в том, что «ученым библиографам» следует усвоить и воспринять его точку зрения на библиографию, изжив укоренившиеся предрассудки.

Роль Добролюбова в истории русской библиографии следует оценить как отрицательную. Его «остроумно-шутовские» (А. Н. Пыпин) выходки, его «игривые характеристики» (А. Д. Галахов) были подхвачены и другими членами «ордена нигилистов» и способствовали формированию в читательском сознании карикатурного образа библиографа-анахорета, оторванного от животрепещущих проблем современности. А между тем в эти годы в библиографии трудились такие выдающиеся деятели, как А. Н. Афанасьев, Е. И. Якушкин, П. А. Ефремов, В. И. Касаткин, М. Н. Лонгинов, Г. Н. Геннади, М. П. Полуденский — серьезные книговеды и библиографы, знатоки истории литературы, как правило, представители демократического или леволиберального лагеря. Единственный конкретный пример, который привел Добролюбов в подтверждение своих нападок на библиографию, — это «Указатель статей серьезного содержания, помещенных в журналах прежних лет», составленный Н. Д. Бенардаки и Ю. М. Богушевичем (отнюдь не принадлежавшими к библиографическому цеху) и дей-

ствительно лишенный каких-либо достоинств. Этот неудачный опыт был подвергнут уничтожающей критике самими библиографами на страницах московского журнала «Атеней», близкого к «Библиографическим запискам». Судить по нему о состоянии всей библиографии было бы по меньшей мере некорректно, точно так же, как и по пресловутому пропуску «Мертвых душ» в списке сочинений Н. В. Гоголя, допущенному Г. Н. Геннади, о котором говорят библиографы уже более ста лет. Этот факт в свое время стал поводом для написания не одной эпиграммы⁽⁶⁾ и, конечно, послужил дополнительным толчком для нападков на библиографов середины XIX в. в первую очередь со стороны революционных демократов.

¹⁴ — В 1858 г., когда Добролюбов заведовал критико-библиографическим отделом «Современника», он напечатал одобрительную рецензию на известный указатель Геннади «Литература русской библиографии».

О рецензии на указатель Геннади, опубликованной в «Современнике», см. примеч. 30 к гл. 2 «Общая библиография. Библиография русской библиографии» раздела «50-е годы».

¹⁵ — ...Добролюбов «с пренебрежением говорил» не вообще о библиографии, а «о работах тех библиографов, которые занимались лишь пустыми мелочами». <...> Подмена историко-литературных исследований библиографическим крохоборством, лишенным каких-либо обобщений и выводов; чрезмерное увлечение составлением также безыдейных библиографических указателей; погоня за ничтожными библиографическими редкостями и диковинками, <...> отрыв от реальных потребностей жизни, формалистические тенденции в библиографии, прикрывавшие отход некоторой части библиографов от боевых общественно-политических вопросов текущего дня, — и все это под флагом «истинного ученого достоинства», — таковы причины беспощадного сарказма Добролюбова.

Попробуем разобраться в этих обвинениях. Вначале речь идет об историко-литературных исследованиях, которые якобы подменялись «библиографическим крохоборством». Речь, таким образом, идет не о библиографии и упреки адресуются не ей, а историко-литературной науке. Далее — в одной связке — составление «безыдейных библиографических указателей» (примеров, естественно, нет). Что же касается «погони за ничтожными библиографическими редкостями и диковинками», то это можно адресовать библиофилам любой эпохи. Таким образом, тут смешаны требования к историко-литературной науке, библиографии и библиофильству. Если говорить об «отрыве от реальных потребностей жизни», то это лишь очередное идеологическое клише, ибо если речь идет об историко-литературной науке, то это просто бессмысленно, если о библиографических указателях, то «близость к жизни» или отдаленность от нее определяется их тематикой. Так, например, указатели Геннади об А. С. Пушкине (их два) или подробная библиография изданий, приложенная Лонгиновым к его монографии о Н. И. Новикове — как надо трактовать подобные труды — как «близость к жизни» или, напротив, как уход от «боевых общественно-политических вопросов текущего дня»? Если мы признаем библиографию помощницей исторической и историко-литературной наук, то и ее тематику следует анализировать наряду и в зависимости от их тематики. Любопытно, что исследования самого Добролюбова о «Хронике Георгия Амартола» или о «Собеседнике любителей русского слова» встречают более чем положительное отношение Здобнова, хотя при всем желании в них невозможно обнаружить связь со жгучими вопросами современности. Следовательно, дело не только в тематике историко-литературных и библиографических трудов, но и в степени компетентности их авторов. Конечно, среди библиографов 1850-х гг. встречались и более, и менее образованные и талантливые, но в целом, если не ставить перед библиографией задачи превратиться в критику-публицистику, следует со всей определенностью признать, что как раз в середине XIX в. она переживала свой звездный час. Никогда ранее на ниве русской библиографии не трудилось одновременно столько выдающихся деятелей. Поэтому непонятно, к кому же были обращены гневные строки Добролюбова. Кроме нескольких чисто анекдотических случаев, мы не найдем ни одного примера, который мог бы хоть в малейшей степени оправдать нападки революционных демократов на библиографию того времени.

¹⁶ — Добролюбов протестовал против этой реакционной отрешенности от жизни, против псевдоучености и умственной ограниченности некоторой части библиографов, против

ученого чванства библиографов-переписчиков. <...> Он требовал от библиографов, чтобы они не останавливались на полпути, не ограничивали свои задачи библиографическими разысканиями и указателями, а шли дальше, и доводили свою работу до конца. Он звал библиографов подняться на более высокую ступень критико-библиографических обобщений и выводов, освещенных «общим взглядом», устанавливающих «здоровые понятия в обществе». Он звал библиографов к жизни, к борьбе за революционно-демократические идеалы.

Если отрешиться от риторики 1930-х годов, то получается — по Здобнову — что Добролюбов призывал библиографов перестать заниматься библиографической работой как таковой, а полностью отдаться литературно-критической работе с сильным привкусом публицистики. Таким требованиям не может удовлетворять библиография, более того, — не должна удовлетворять, ибо тогда она не сможет выполнять свою основную задачу — информационную. И «более высокая ступень» без поддержки «просто» библиографии может превратиться в безответственную болтовню.

С легкой руки Здобнова в советской историко-библиографической науке установилось мнение, что Добролюбов был «организатором борьбы против формализма и объективизма в библиографии». То, что в его время, да и позднее, трактовалось как «остроумно-шутовские» выходки, превратилось в идеологически насыщенных трудах ученых советского времени в «борьбу». Можно подумать, что у редакции «Современника» не было других дел, как только бороться с библиографией. Наконец, дошло до того, что библиографы 1850–1860-х гг. все, как один, оказались врагами науки и прогресса. «Ученики и продолжатели дела В. Г. Белинского, — пишет С. А. Рейсер, — боялись как раз утраты наукою приобретенной ею публицистичности, т. е. боевого служения современности».⁽⁷⁾ О какой науке идет речь? Очевидно, о сочинениях самих революционных демократов, ибо подлинная наука всегда отделяла себя от публицистики. «Добролюбову и Чернышевскому была враждебна не библиография вообще, а границы и методы ее использования. Они не могли считать ее наукой всех наук».⁽⁸⁾ Но разве библиографы так считали? Они были куда скромнее. «Добролюбов не согласен заменить анализ идей их описанием»,⁽⁹⁾ — читаем мы в этой же книге. О чем говорит автор, о каком «описании идей» может идти речь, тем более в библиографии? Все это совершенно необъяснимо.

Но всех хулителей библиографии перещеголял У. А. Гуральник, который писал, что Добролюбов в борьбе с библиографами «решительно выступил против подмены идейно-художественного анализа произведений объективистским фактологическим комментарием. Он показал, что так называемая “библиографическая критика” занята либеральной фальсификацией русского литературного процесса и истории развития русской общественной мысли».⁽¹⁰⁾ Конечно, Добролюбов ничего подобного не «показал», да и показать не мог, ибо не существовало ничего подобного. Тем не менее под пером советских ученых библиографы стали объектом политических разоблачений, о которых ни у Добролюбова, ни у Чернышевского не было и речи. Одно дело — обвинения в мелочности разысканий, и совсем другое — в фальсификации литературного процесса.

По схеме, принятой историко-библиографической наукой в советское время, получалось, что существовали два противоборствующих «лагеря»: лагерь революционной демократии и лагерь библиографический, состоявший из людей, зараженных реакционным формализмом и объективизмом, с которыми первый лагерь усиленно сражался. «Борьба», «поход» — эти военные термины не сходили со страниц советских исследований, едва только заходит речь о библиографическом направлении 1850–1860-х гг. Но ни Здобнов (первым выдвинувший эти положения), ни его последователи даже не ставили вопроса: а каковы же были плоды, результаты этой борьбы, кто одержал в ней победу? А ведь без ответа на этот вопрос (или хотя бы постановки его) все разговоры о борьбе теряют смысл. Не обратило на себя внимание историков и то весьма любопытное обстоятельство, что из «лагеря» библиографов не раздалось ни одного голоса в опровержение насмешек Добролюбова (приведенный выше отзыв Галахова принадлежал человеку стороннему, не связанному с библиографическим направлением). Невольно создается впечатление, что библиографы попросту не обратили никакого внимания на инвективы революционных демократов, неуместные и несправедливые. Рейсер

в цитированной выше книге пишет: «В формулировках Добролюбова был полемический задор и преувеличение <...> Возможно, в какую-либо другую эпоху беспартийная всеядность „библиографов“ и не встретила бы у Добролюбова такой преувеличенной враждебности, в крайнем случае снисходительное отношение, как к безобидному чудачеству, но в острую идеологическими спорами эпоху первой революционной ситуации у ученика неистового Виссариона „библиографическое направление“ не могло не вызвать непримиримо отрицательного отношения».⁽¹¹⁾ Создается впечатление, что автор солидарен с Добролюбовым во взгляде на занятия библиографией как на «безобидное чудачество», не стоившего в мирное время ни малейшего внимания, но вызывавшее необходимость борьбы с ним в эпоху революционной ситуации. «Революционные демократы боролись за идейность науки, — читаем мы далее. — Они хотели, чтобы библиография, как и литература, были одухотворены высокими целями. Как только она стала служить общественным идеалам, разночинцы стали ее сочувственно поддерживать».⁽¹²⁾ Хотелось бы все-таки узнать, когда и каким образом произошел этот знаменательный поворот. Чернышевский и Добролюбов сошли с общественной арены в самом начале 1860-х гг. В библиографии того времени не происходило никаких изменений. Те, кто ранее «служил общественным идеалам» (как, например, круг журнала «Библиографические записки»), те и продолжали им служить. Люди же, общественно более индифферентные (и такие встречались среди библиографов), служили исторической и историко-литературной науке в силу своих возможностей. С сожалением приходится констатировать, что едва речь заходит о революционных демократах, как даже серьезные ученые опускаются до безответственных заявлений, — и все только для того, чтобы как-то оправдать недопустимо грубые выходки Добролюбова. Ведь даже Чернышевский вычеркивал из статей молодого сотрудника наиболее резкие пассажи, но для советских научных работников всякое слово, сказанное революционными демократами, было священо и не подлежало не только критике, но и просто анализу.

Строго говоря, теме «Революционные демократы и библиография» нет места в объективном историческом труде. Эта тема создана искусственно, в силу сложившегося в дисциплинах гуманитарного цикла идеологического давления и любопытна лишь, как отголосок 1930 — начала 1950-х гг.

Между тем в высказываниях Добролюбова по вопросам библиографии встречались и вполне здравые соображения. Так, издевательски комментируя «Указатель статей серьезного содержания» Бенардаки и Богушевича (который действительно был встречен всеобщим осуждением), Добролюбов писал: «Тут (при составлении указателей к старым журналам. — Л. Р.) могут быть только две цели, — общая и чисто библиографическая <...> Если уж человек имеет столько самоотвержения, что решается на неблагоприятную работу составления указателя, то пусть же он примется за это по крайней мере с тем, чтобы покончить дело однажды навсегда. Пусть он прочтет все журнальные статейки затем, чтобы иметь уже полное право сказать, что их не надобно читать. Их даже можно вовсе и не вносить в указатель: кому они нужны? Но из двух-трех сот статей всегда выберется одна, которая может быть и не бесполезна и для нынешних читателей. Это, разумеется, почти исключительно статьи, относящиеся к русской истории и литературе. На них-то и следует уж обратить внимание и выбрать из них все, что в них есть замечательного и что не вошло еще в учебники. Вообще, нужно стараться, чтобы указатель имел характер обзора и мог бы отчасти даже заменить чтение самого журнала <...> Если же уж иметь в виду цель чисто библиографическую, то надобно указывать *все* и опять-таки с замечаниями, чтобы библиограф мог понять, о чем идет дело в статье. И уж при этом не нужно ни выбора, ни систематического расположения статей в каждом отделе, ни самих отделов».⁽¹³⁾ «Правда, — замечает он далее, — над таким указателем мир посмеется». Тогда для чего же давать подобные советы? Но как бы то ни было, это высказывание говорит о том, что Добролюбов задумывался над вопросами составления указателей и понимал, в чем заключается библиографическая работа, что вполне естественно для человека, получившего классическое историко-филологическое образование, однако этого совершенно недостаточно для того, чтобы его имя фигурировало в истории русской библиографии. Поэтому попытку ввести в историю русской библиографии тему, касающуюся вклада

революционных демократов, следует считать не заслугой, а ошибкой Здобнова, вызвавшей массу недоразумений и послужившей к посрамлению «библиографического направления» 1850-х гг. только за то, что оно было не угодно Добролюбову. Уже не однажды писали об антиисторизме мышления революционных демократов; он сказался и в оценке современной им библиографии.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Добролюбов Н. А. «Собеседник любителей русского слова». Издание кн. Дашковой и Екатерины II. 1783–1784 // Современник. 1856. Т. 58, авг. (№ 8). С. 33–84; Т. 59, сент. (№ 9). С. 23–66. Подпись: Лайбов.

(2) Западов В. А. «Собеседник любителей русского слова» в оценке Н. А. Добролюбова // Вопр. журналистики : сб. ст. / МГУ. М., 1959. [Вып. 1]. С. 375–398.

(3) Добролюбов Н. А. Полное собрание сочинений : в 6 т. / под общ. ред. П. И. Лебедева-Полянского. М., 1934. Т. 1. С. 31.

(4) Отеч. зап. 1856. Т. 108, № 9/10. С. 79, 81–82.

(5) Добролюбов Н. А. Полное собрание сочинений. М., 1935. Т. 2. С. 325.

(6) Наиболее известным считается стихотворение Н. А. Некрасова «Литературная травля, или Раздраженный библиограф», хотя в статье Л. М. Равич и М. Д. Эльзона «О стихотворении Некрасова „Литературная травля“» (Некрасовский сборник. Л., 1978. Т. 6. С. 40–51) доказывается, что публикация этого стихотворения не могла быть связана с пропуском Г. Н. Геннади «Мертвых душ», а вызвана некоторыми эпизодами деятельности М. Н. Лонгинова.

(7) Рейсер С. А. Палеография и текстология нового времени. М., 1970. С. 114.

(8) Там же. С. 116.

(9) Там же.

(10) Гуральник У. А. Русская литературная критика 50–60-х гг. и наука о литературе // Академические школы в русском литературоведении / АН СССР, Ин-т мировой литературы. М. : Наука, 1975. Гл. 5. С. 401.

(11) Рейсер С. А. Палеография и текстология... С. 115–116.

(12) Там же. С. 117.

(13) Добролюбов Н. А. Полное собрание сочинений. М., 1936. Т. 3. С. 409–410. Впервые опубл.: Современник. 1858. Т. 71, окт. (№ 10). С. 203–210.